

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Я. А. Шер

Возродится ли в России археологическое образование?

Резюме. В статье ставится вопрос о необходимости официального возрождения в наших университетах археологического образования. В ходе «реформ», проводимых Минобрнауки РФ, Россия оказалась единственной страной, подписавшей Бологское соглашение, в вузах которой не предусмотрено обучение по специальности «археология». Вопрос рассматривается на фоне той системы археологического образования, которая успешно функционировала у нас с конца XIX в. и до 1949 г. Если ее не возродить, то историческое и культурное наследие народов России окажется под угрозой полного уничтожения.

Ключевые слова: археология, образование, специализация, профессионализм, дипломные работы, диссертации.

Sher Ya. A. Archaeological education in Russia: will it revive? Because of the «reforms» carried out by the Russian Ministry of Education and Science, Russia proved to be the unique country that had signed the Bologna agreement without stipulating the major «archaeology» in the institutes of higher education. The present situation is considered against the background of the successful system of archeological education that existed from the end of the 19th century till 1949. If we don't restore it, the historical and cultural heritage of peoples of Russia will be under the threat of annihilation.

Keywords: archaeology, education, major, professionalism, degree works, theses.

Археологическое образование нельзя отрывать от общего контекста системы среднего и высшего образования. А в общем контексте сейчас происходят преобразования, которые, если их вовремя не остановить, приведут к необратимым последствиям. Когда самолет достигает критической скорости или попадает в зону турбулентности, возникает опасность флаттера, т. е., попросту говоря, такой тряски самолета, которая способна его разрушить. М. В. Келдыш вычислил причины этого явления и нашел способ его нейтрализации. Найдется ли кто-то в России, кто сможет своевременно нейтрализовать тряску, инициированную Минобрнауки?

Образование как фактор национальной безопасности. В любой стране система образования является не меньшим, если не большим **гарантом национальной безопасности**, чем армия и ВПК, поскольку последние не могут быть эффективными без хорошо образованного личного состава всех уровней, от рядовых до генералов, от рабочих до главных конструкторов.

После запуска в СССР первого спутника в 1957 г. «отец» американской атомной подводной лодки адмирал Х. Риквер заявил на слушаниях в Конгрессе США: «Серьезность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам своей системой образования». Ко времени создания и запуска первого спутника наша система образования имела уже более чем 200-летнюю историю, начиная с Петра Великого, и стала если не самой лучшей, то одной из лучших в мире. Еще в 90-х гг. МГУ, ЛГУ, Физтех, Ленинградский Политех и МВТУ входили в первые десятки мировой университетской элиты. Сейчас там уже не значится ни одного российского вуза.

После недолгих «новаторских педагогических» экспериментов 20-х — начала 30-х гг. стало ясно, что залог национальной безопасности страны — в высоком уровне образования и науки и в бережном сохранении этого уровня в СССР. Не случайно наркомом просвещения РСФСР был назначен бывший учитель гимназии латинист В. П. Потемкин, организатор и первый президент Академии педагогических наук. Вплоть до 50-х гг. в советской средней школе сохранились основные учебные планы дореволюционных гимназий и реальных училищ. Правда, пришлось пожертвовать древними и частично иностранными языками. Это был шаг назад, но без катастрофических последствий.

Система образования и наука, к счастью, обладают большой внутренней инерцией, и поэтому даже репрессии 30–50-х гг., обрушившиеся на невинных ученых и учителей, не смогли разрушить ее основы. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. заставила власть еще больше повысить внимание к образованию и науке, особенно связанным с военными задачами. И хотя деятельность ученых нередко проходила в унизибельных и оскорбительных условиях сталинских «шарашек», фактически тормозивших творческую работу, их успехи были обусловлены, в основном, образованием, которое они получили в свое время.

Неизвестно, какими бы были итоги войны и послевоенная мощь страны без разработанной акад. П. Л. Капицей промышленной технологии получения кислорода, необходимого для танковой брони, без танков Котина и Васильева, без самолетов Туполева, Ильюшина, Яковлева, Гуревича и Микояна, без ракет и спутников Королева, Янгеля, Келдыша и Раушенбаха, без системы размагничивания военных кораблей под руководством Александра и, наконец, без ядерного оружия Курчатова, Сахарова и их многочисленных соратников. Именно эти люди своим творческим гением обеспечили в те труднейшие годы национальную безопасность страны. И, прежде всего, потому, что они были хорошо образованны.

В 40–60-е гг. в школах и вузах СССР еще поддерживался былой уровень образования, в основном, за счет старых учителей в школах и профессоров в университетах, на которых равнялись молодые учителя и преподаватели вузов. Потери начались еще при Сталине. Больше других пострадали от идеологического пресса гуманитары и биологи. Но при этом в школе сохранялся высокий уровень преподавания русского языка и математики, а также рисования и пения — предметов, способствующих сбалансированному развитию функций полушарий головного мозга подростка. Еще не было порочной системы так называемых профильных классов, когда одни школьники легально уклоняются от математики и естественных наук, а другие — от литературы, искусства и истории.

В те годы дети еще не подверглись массовой «телевизоризации» и поэтому, в отличие от нынешних, намного больше читали. А чтение, это всем известно, способствует выработке естественной грамотности и развивает аналитическое левое полушарие. Во всяком случае, в те годы на первые курсы вузов не могли поступить абитуриенты, не способные грамотно писать по-русски, что постоянно наблюдается сейчас.

Идеологизированные нападки на «буржуазную лженауку» кибернетику серьезно не повлияли на развитие математики, но катастрофически затормозили развитие информационных технологий. Теоретические дисциплины преподавались под другими, нейтральными названиями (см.: А. Н. Колмогоров, А. А. Ляпунов и др.), но электронная промышленность отстала на многие годы от мирового уровня, и нам пришлось заимствовать готовые разработки.

В 1976 г. в Ленинграде мне довелось присутствовать на одном семинаре, который проводил известный голландский математик, автор учебников по программированию. Неподвластный идеологической цензуре, он сказал: «Самой большой победой США над СССР в холодной войне было то, что СССР избрал для развития своей вычислительной техники концепцию фирмы IBM и тем самым обрек себя на роль зависимого и догоняющего партнера». Будучи высоким профессионалом, он видел реальную перспективу на 10–20 лет вперед. Напомню, что персональных компьютеров тогда у нас не было. Были гигантские монстры серии ЕС, скопированные с устаревших к тому времени ЭВМ корпорации IBM, а их новейшие разработки были недоступны в связи с ограничениями экспорта стратегической техники. С тех пор прошло более 30 лет, а мы и сейчас не можем наладить массовое производство ни персональных компьютеров, ни какой-либо другой информационной техники на должном уровне, однако по части программирования наши специалисты не только не отстают, но и превосходят своих западных коллег.

Самые большие потери произошли на рубеже XX и XXI вв. «Утечка мозгов» из России очень обогатила европейскую и американскую науку и промышленность. Без затрат на образование они получили десятки тысяч готовых высококлассных специалистов. В Силиконовой долине и в «Майкрософте» есть целые научные подразделения, где сотрудники говорят между собой по-русски.

После скоропалительного развала СССР прошел срок, превышающий стандартное время обучения в школе и вузе, т. е. достаточный для того, чтобы проанализировать и оценить результаты такой близорукой политики. Однако вместо этого новая власть независимой России, как когда-то и большевики, не устояла перед соблазном продемонстрировать свою причастность к «реформированию» всего и вся, включая и такую, в своей основе консервативную (в хорошем смысле), инертную и устойчивую систему, как наука и высшее образование. Наука в лице РАН не без потерь, но устояла перед давлением власти. Система образования, похоже, не устоит.

В первые годы молодой российской демократии был принят Закон «Об образовании», признанный ЮНЕСКО «самым прогрессивным и демократическим образовательным актом в мире конца XX столетия» (Днепров 2004: 20). Но в этом виде просуществовал недолго. Руководство Минфина при поддержке реорганизованного и укомплектованного некомпетентными чиновниками Минобрнауки провело через послушную Государственную Думу поправки,

которые принимались в пожарном порядке и вытравили из этого закона все социальные обязательства государства перед сферой образования и науки.

Теперь образование и здравоохранение назвали сферой услуг, т. е. поставили на один уровень с парикмахерскими, сапожными мастерскими, прачечными и т. п. К счастью, наша система образования оказалась настолько устойчивой, что даже этот таран, хотя и нанес тяжелый урон, пока еще ее не уничтожил. Представляется, что, подписав в 2003 г. Болонский протокол, мы опять наступили на те же самые грабли, что и в первые годы советской власти. Но, в отличие от тех лет, эта программа «болонизации» может полностью разрушить нашу систему образования. Из вузов устоят только единицы. Но вернемся к археологии.

Оглядываясь назад. В настоящее время в университетах, научных учреждениях, в музеях и службах охраны памятников России успешно трудятся сотни археологов-профессионалов. Среди них есть академики и члены-корреспонденты РАН, доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, аспиранты и студенты, т. е. представители всех уровней научной иерархии, а также не обремененные учеными степенями высококвалифицированные практики с высшим образованием (не только историческим) и большим опытом методически грамотных раскопок. И если иностранному коллеге сказать, что почти у всех этих специалистов в дипломе или в сертификате об окончании высшего учебного заведения нет слова «археолог», он будет по меньшей мере очень удивлен. При этом в кандидатских и докторских дипломах, в доцентских и профессорских аттестатах указывается «по специальности «археология»». В чем же дело?

Более ста лет подготовка археологов-профессионалов в царской России, в СССР и в современной России проходит, в основном, в университетах. Можно спорить об отдельных нюансах ее качества, но все же к концу 50-х гг. XX в. она сложилась в стабильную систему, хотя и с большими потерями от последствий 1917 г. и репрессий 30-х гг.

В 30–40-х гг. В. А. Городцову и М. Е. Массону были присуждены степени «доктор археологии». Один из моих первых наставников в полевой работе, ученик М. Е. Массона П. Н. Кожемяко имел в своем дипломе об окончании САГУ (Ташкент) запись «ученый-археолог».

Но запись в дипломе — это, конечно, чистая формальность, которая никакого значения не имела. А. М. Беленицкий был школьным учителем, а затем стал востоковедом-иранистом и арабистом. М. П. Грязнов вообще не имел диплома о высшем образовании, но это не помешало ему стать одним из выдающихся археологов.

В 90-е годы было не так уж трудно отбросить навязанную нашей исторической науке «единственно правильную» теорию, поскольку за редкими исключениями реверансы в ее адрес со стороны археологов были вынужденными, чтобы не конфликтовать со всемогущей цензурой. Казалось бы, наступила пора стабилизации в преподавании исторических дисциплин, в том числе и археологии. Но уже в начале 2000-х гг. всю нашу систему среднего и высшего образования стали лихорадить «реформы», «модернизации» и прочие дестабилизирующие факторы. Несомненно, это отражается и на обучении студентов,

в том числе и будущих археологов. Попытаемся понять, каковы возможные последствия этих сотрясений для нашей науки и практики охраны и сбережения историко-культурного наследия народов нашей огромной страны.

Чтобы было с чем сравнивать современный уровень подготовки археологов, целесообразно оглянуться в прошлое. В конце XIX и в начале XX в. в России было два вида учебных заведений, в которых учили археологии: университеты и археологические институты. В Санкт-Петербургском университете не было специальной кафедры археологии. Мало того, отдельные направления археологии изучались на разных факультетах. На естественном отделении физико-математического факультета, например, была кафедра антропологии, где преподавалась «доисторическая археология». Среди ее выпускников были А. А. Миллер, П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Руденко, а несколькими годами раньше — И. Т. Савенков и А. В. Адрианов. М. П. Грязнов был студентом физико-математического факультета Томского университета.

Выдающиеся русские археологи-античники М. И. Ростовцев, Б. В. Фармаковский и другие заканчивали историко-филологический факультет по классическому отделению. Иными словами, того, что сейчас называется «специализация по археологии», в университетах тех лет не было. Считалось, что археолог-первобытник должен быть образован в естественных науках, особенно в геологии и в той области, которая называлась «естественная история». Археолог-античник или востоковед был немислим без знания древних языков, особенно без греческого и латыни — первый, и без арабского и персидского — второй. Когда Императорской Академии наук нужно было кого-то срочно послать в недавно присоединенную к России Среднюю Азию для ее археологического обследования, выбор пал на акад. В. В. Бартольда, востоковеда-арабиста, но отнюдь не археолога.

Подробнее и глубже, чем в университетах, археология изучалась в археологических институтах. Санкт-Петербургский археологический институт, открытый в 1877 г. по инициативе его первого директора Н. В. Калачова, сначала готовил, в основном, архивистов, а специализация по археологии началась в 1899 г. В 1907 г. по инициативе Д. Я. Самоквасова был открыт такой же институт в Москве, но уже сразу с двумя отделениями — архивным и археологическим. Первый был казенным учреждением и находился в ведении Министерства народного просвещения, второй функционировал на средства частной благотворительности, но с 1912 г. стал получать и государственное пособие.

По нынешним представлениям оба эти института были в чем-то подобны тому, что мы сейчас называем институтами повышения квалификации. Туда принимали лиц, уже имеющих высшее, как правило, университетское образование, на двухлетний курс обучения, а со средним образованием — на трехлетний. Принимались также и вольнослушатели. Среди преподавателей Санкт-Петербургского археологического института были Н. П. Лихачев, Н. К. Рерих, А. И. Соболевский, его последним директором был Н. В. Покровский. В Московском институте читали лекции В. А. Городцов, Д. Я. Самоквасов и другие. Московский институт имел филиалы в Смоленске, Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде и Ярославле. Таким образом, то, к чему сейчас под звуки фанфар стремятся отечественные сторонники «Болонского процесса», т. е. к двухступенчатой системе, уже было у нас до 1917 г. без какого-либо специального «болонского» рекламирования. Сейчас для нас это — пройденный этап.

Подобные российским археологические институты существуют и сейчас в Европе, в США и других странах. Во Франции они называются «школами» (например, *École des hautes études in sciences sociales* или *École Normale Supérieure*); в США и в Англии это колледжи, обычно существующие при университетах. Есть еще и специализированные археологические институты, которые открываются и содержатся развитыми странами в странах — наследниках древних мировых цивилизаций — в Египте, Греции, Иране, Сирии и т. д. В них не бывает систематических занятий по сквозным учебным планам, как это принято у нас. Сюда приезжают студенты старших курсов или начинающие научные работники-стажеры. Здесь они живут и под руководством опытных специалистов ведут исследования, связанные с профилем данного института. Чаще всего это нечто вроде нашей преддипломной практики или подготовки диссертаций. Например, на Кипре, где мне довелось знакомиться с подобными институтами, на острове размером 200×100 км находится около 70 таких зарубежных археологических институтов. Через эти институты страны-учредители, бывшие метрополии, продолжают оказывать влияние на научную и образовательную политику в своих бывших колониях.

Когда-то такой же археологический институт Россия содержала в Константинополе, а кафедру египтологии в Каирском университете открыл и долго возглавлял сын петербургского купца, хранитель египетских коллекций Эрмитажа, египтолог В. С. Голенищев. М. И. Ростовцев, не принявший новую власть и вынужденный в 1918 г. эмигрировать, много лет руководил кафедрой античной истории и был директором археологических исследований в одном из самых престижных университетов США — Йельском университете.

СССР: четыре кафедры на всю страну. После октябрьского переворота Императорская Археологическая Комиссия была сначала переименована в Государственную Археологическую Комиссию, а уже в 1918 г. началась подготовка к ее преобразованию в Государственную Академию археологических знаний. Этим занимались ведущие российские археологи С. А. Жебелев, А. А. Миллер, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский и др. В апреле 1919 г. В. И. Лениным был подписан декрет о создании «Российской академии истории материальной культуры» (РАИМК). С 1926 г. это «Государственная академия истории материальной культуры» (ГАИМК). Говорят, что немалую роль в этом сыграл Б. В. Фармаковский, гимназический товарищ Володи Ульянова. В проекте значилось название «Академия археологических знаний», но по инициативе Ленина произошло переименование учреждения в «Российскую академию истории материальной культуры». Считается, что это было сделано в противовес идеологически вредной для большевиков Московской «Академии духовной культуры», которая тогда была последним пристанищем многих российских философов, будущих пассажиров «Философского парохода» во главе с Н. А. Бердяевым (Зуев 1997: 71; Тихонов 2003: 146).

Пережив смутное время 20–30-х гг., отмеченных борьбой за марксизм в археологии и репрессивной политикой как против отдельных выдающихся археологов (Г. А. Бонч-Осмоловский, Б. С. Жуков, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, А. А. Миллер, М. П. Грязнов и др.), так и против всех историков и, особенно, против краеведческого движения в целом, советские археологи развернули

большие и успешные полевые работы, которые были прерваны Великой Отечественной войной, а после Победы развернулись еще шире.

В 1922 г. в составе факультетов общественных наук Московского и Петроградского университетов были открыты *отделения* археологии. Решение подкреплялось присоединением к университетам находящихся в Москве и Петрограде Археологических институтов (подробнее см.: Тихонов 2003: 147 и сл.). Таким образом, эти отделения были открыты почти без дополнительных финансовых затрат и сразу обрели солидную материальную базу вместе со зданиями, которые они занимали, и с преподавателями самой высокой квалификации.

Период с 1920 по 1929 гг. можно считать годами наивысшего качества преподавания археологии в России, особенно в Петроградском университете. Реорганизация, связанная с передачей Археологического института университету, была не очень значительной и происходила вполне естественным путем. Сократилось количество кафедр (с 11 в институте до 4 в университете), но качественный уровень всех курсов, семинаров и практических работ стал еще более высоким. Достаточно подробно состав профессоров и преподавателей, содержание учебных программ и курсов описаны в очень содержательной, построенной на архивных документах и воспоминаниях участников этих событий работе И. Л. Тихонова (2003: 131–164). Когда-то и мне доводилось слушать рассказы Б. Б. Пиотровского о его студенческих годах (он поступил в университет в 1922 г). Тогда он совмещал учебу в университете с работой в Эрмитаже под руководством Н. Д. Флиттнер. Из одного перечисления состава курсов, спецкурсов и семинаров становится ясно, что сейчас и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и, тем более, в провинции уровень преподавания археологии трудно соизмерить с тем, что был в 20-х гг.

Затем наступили 1930-е гг., начались аресты, репрессии, вышла «директива» Сталина, Кирова и Жданова о том, как нужно преподавать историю. Началось тяжелое время. Кафедра археологии стала называться кафедрой истории доклассового общества. Но это было недолго. Отделение, т. е. специальность, продолжало существовать и существовало с переменным успехом до 1949 г., когда Министерство высшего образования закрыло его своим приказом. Можно сказать, что с этого момента и до сих пор подготовка археологов происходит в нашей стране «вне закона». Однако по существу почти ничего не изменилось. Специализация по археологии осталась, и отсутствие записи в дипломе никаким образом не влияло на качество профессиональной подготовки студентов и аспирантов.

В 40–60-х гг. на весь СССР было всего 4 кафедры археологии (Ленинград, Москва, Киев и Ташкент). Они были неодинаковы по своему научному потенциалу, но каждая из них имела свое лицо, а объединяло их то, что выпускники приобретали профессиональное мастерство напрямую из рук тех, кто вообще создавал основы археологии России и союзных республик.

Обучение студентов-археологов на этих кафедрах отличалось особым вниманием к полевой практике и высоким научным уровнем спецкурсов и спецсеминаров. П. И. Борисковский приносил на занятия лоток с каменными орудиями, и не очень занимательная наука о палеолите в его устах и руках оживала и приобретала именно то, что А. Н. Рогачев любил называть «конкретно-историческим подходом», хотя он и вкладывал в эти слова несколько иной смысл.

Столь же интересны и увлекательны были занятия М. П. Грязнова по трасологии. Он учил тому, что невозможно найти ни в каких учебниках: приобретению профессиональной интуиции и умению проверять интуитивные догадки практическими наблюдениями над материалом. Начинаясь тогда преподавать В. М. Массон на своих лекциях постоянно рисовал на доске основные формы керамики всех этапов Анау и Намазга и требовал того же на зачете от студентов. Лекции М. И. Артамонова и В. Ф. Гайдукевича были насыщены не только новейшими по тем временам археологическими материалами, но и проникнуты духом историзма, они учили не терять за слоями, черепками и блестящими золотом находками самой истории. Т. Д. Белановская вкладывала много сил в приобщение студентов к азам полевой работы. Б. Б. Пиотровский на лекциях по археологии Закавказья демонстрировал филигранную манеру исторической интерпретации археологических наблюдений. Его рассказ о том, как по незначительным «пустышкам» (обугленные цветы, косточки винограда, зерна злаков и т. п.) удалось до деталей восстановить картину ночного штурма скифами (или мидийцами?) урартской крепости Тейшебаини (городище Кармир-Блур), учил видеть в «пустышках» свидетельство истории. М. К. Каргер, водив студентов, аспирантов и просто любопытствующих по старой части Великого Новгорода, рассказывал обо всем так, как будто сам был свидетелем событий на Ярославовом дворище и вокруг него.

Только такой талантливый исследователь и лектор, как А. В. Арциховский, мог, имея существенные дефекты речи, держать в напряженном внимании большую аудиторию не очень смиренных студентов на лекциях по основам археологии. Не менее яркими лекторами были Б. А. Рыбаков и С. В. Киселев. А тихие, скромные и малозаметные М. Н. Кислов и А. В. Кирьянов в Москве, П. И. Костров в Ленинграде заложили основы полевой археологической консервации и реставрации и обучали этим навыкам работавших с ними в поле студентов и аспирантов.

Кафедра археологии Среднеазиатского университета (Ташкент), которую много лет возглавлял М. Е. Массон, создала уникальную школу исторической топографии раннесредневекового города; ее выпускники вместе с ленинградскими археологами-востоковедами, по существу, на пустом месте за 50 лет создали основы археологии Средней Азии.

Конечно, четыре кафедры на огромную страну — это бесконечно мало. Когда П. Н. Третьяков в конце 50-х гг. вернулся из поездки в Чехословакию (а такие поездки в те времена были исключительно редкими), он со странным чувством одновременно грусти и восхищения сравнивал число археологов на квадратный километр площади в маленькой Чехословакии с подобной цифрой в нашей стране. Те же ноты звучали и в лекции С. В. Киселева по итогам его поездки в маоцзэдуновский Китай и в рассказах Б. Б. Пиотровского о его работах в Египте времен Насера: т. е. в странах с не менее сложными условиями тоталитарного режима внимание к археологии со стороны властей было несоизмеримо большим, чем у нас.

Археологов у нас готовилось мало, не более 40–50 человек в год на такую огромную страну, но и они далеко не всегда могли найти себе достойную работу по специальности. Даже развертывание кампании «великих строек коммунизма» не особенно улучшило эту ситуацию.

В конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. начались изменения. Процесс образования новых кафедр в республиках и областях по-прежнему находился под контролем министерства. Но то там, то здесь на исторических кафедрах местных университетов и пединституты инициативные преподаватели, а также присланные по распределению выпускники МГУ и ЛГУ становились своего рода центрами «кристаллизации». Вокруг них формировались группы студентов, стремившихся стать профессиональными археологами. Им удавалось найти финансирование раскопок и получать открытые листы. Без оглядки на отсутствие официальной специализации читались археологические спецкурсы, и довольно быстро начали появляться квалифицированные кадры в Ростове-на-Дону, в Симферополе, Воронеже, Свердловске, Томске, Омске, Новосибирске, Кемерово, Барнауле, Иркутске, Владивостоке и в других городах. Из союзных республик в Москву и Ленинград направлялись в целевую аспирантуру выпускники вузов, которые по завершении учебы пополняли собой эти коллективы.

С одной стороны, это нормальное явление. Создавались новые научные центры, вузы, музеи. Отпускались приличные, а главное — стабильные средства на плановые и новостроечные раскопки. Кадры были нужны, и их стали учить не только на упомянутых выше четырех кафедрах. Но с другой стороны, которая далеко не сразу стала заметной (многие ее и сейчас не хотят замечать), все сильнее напоминает о себе проблема качества археологического образования.

Думается, что здесь главную роль сыграла пресловутая «полулегальность» подготовки археологов на исторических факультетах, отсутствие официально признанной и включенной в учебный план специальности «археология». Далеко не все деканы исторических факультетов, в большинстве случаев историки КПСС, и не все ректоры, как правило — физики или математики, понимали необходимость нашей науки.

Наконец, подписав в 2003 г. Болонский протокол, наш министр высшего образования «не заметил», что среди стран Болонского соглашения Россия — единственная страна, где не планируется обучение студентов по специальности «археология». Отсюда — недостаточное количество спецкурсов и спецсеминаров, недостаточное количество часов на полевую и музейную практику на старших курсах, средств на полевые работы и оборудование и т. п. Наоборот, избыточно количество других курсов по так называемым «общественным наукам» (педагогика, политология, социология, экономика, история и теория культуры и др.), которые, возможно, нужны историку, но не очень нужны археологу.

Я не говорю уже о том, что в свое время такие студенты, как П. П. Ефименко, С. И. Руденко, Б. В. Фармаковский, М. И. Ростовцев и др. за отличное окончание курса в университете поощрялись длительными, до двух лет, командировками за границу для пополнения и совершенствования своих профессиональных знаний и навыков. Сейчас этого, разумеется, нет.

Когда перестройка смела многие искусственные барьеры, включая любую цензуру и контроль министерства над открытием новых кафедр, произошло некоторое «зашкаливание» местных инициатив. Пединституты и другие вузы стали лавинообразно переименовываться в университеты, в основном путем

замены вывесок. До 1991 г. в СССР было 62 университета. После отделения союзных республик в России их осталось 40, а в 1997 г. стало уже 97, это не считая тех, которые стали называться педагогическими или техническими университетами. В итоге, с одной стороны, имеем большие потери в подготовке школьных учителей, с другой — недостаточный для настоящего классического университета уровень некоторых переименованных вузов.

Новые кафедры археологии стали открывать иногда без достаточного обеспечения высококвалифицированными кадрами, оборудованием и специальной литературой. Расцвела «прорабская» и «тезисная» археология (подробнее см.: Шер 1999). Это, конечно, стало солидной ложкой дегтя. Почти одновременно началось не вполне обоснованное размножение диссертационных советов по археологии, что привело к снижению планки качества диссертаций, включая докторские.

Учебники. Можно ли научиться археологии только по учебнику? Любой профессионал ответит на этот вопрос однозначно: нет. В нашей науке большое место занимают полевая практика и творческая интуиция. Но учебники тоже нужны, чтобы учитывать предшествующий опыт и не терять время на «изобретение велосипеда». Благодаря учебнику у студента, выбравшего археологию своей профессией, должно сложиться общее представление о науке, ее истории, ее отцах-основателях, о методическом инструментарии и теоретических основах.

В наших вузах сложилось два последовательных этапа требований к студенческим знаниям археологии: общие для всех студентов исторических факультетов и углубленные — для тех из них, кто решил стать профессионалом-археологом. В соответствии с этим формировалась сетка часов. Общий семестровый курс археологии читался для всех студентов 1-го курса, и все они были обязаны сдать экзамен и летом пройти полевую практику. Спецкурсы и спецсеминары по археологии начинались в разных вузах по-разному: в большинстве с 3-го курса, а в некоторых — раньше.

Если отвлечься от учебной литературы конца XIX — начала XX в., а также от учебных пособий по спецкурсам 60–90-х гг., то приходится признать, что учебник общей археологии А. В. Арциховского, вышедший в 1954 г., остается непревзойденным, хотя в нем и нет новых материалов, полученных за последние 50 лет, а структура подчинена марксистской схеме общественно-экономических формаций. Из учебников, вышедших в более поздние годы, ближе всего к идеалу было 2-е изд. учебника Д. А. Авдусина (1977 г.), которое в сравнении с 1-м изданием немного уменьшилось в объеме без потери качества.

Последние полтора-два десятилетия в наших вузах широко использовался учебник А. И. Мартынова (Мартынов 1973 и последующие 5 изданий). Недавно в издательстве МГУ вышел новый учебник под редакцией акад. В. Л. Янина (2006). Подробнее об учебниках по археологии вообще и об этих двух, в частности, речь идет в специальной статье в данном сборнике.

Научные школы. Когда в 70–80-х гг. начались потери среди археологов старшего поколения, стало заметно, что по разным причинам далеко не все смогли вырастить себе такую смену, которая могла бы достичь большего, чем

учителя. А это — единственное условие развития науки. Если ученики хотя бы на шаг не продвигнутся дальше учителей, наука начнет деградировать.

Я не склонен идеализировать наших учителей. Среди них были очень разные люди, а кое-кто и не обладал лучшими человеческими качествами. Но они были профессионалами высочайшего уровня. Зададимся вопросом: много ли среди представителей двух последних поколений таких археологов, научный потенциал которых превышает уровень их учителей, которые продвинули нашу науку намного дальше, чем их наставники? Конечно, они есть, но меньше, чем могло бы быть при наличии в университетах легальной специальности «археология». Можно возразить, что некоторым нашим учителям было легче: они начинали свои исследования на пустых или малоизученных местах. Но, во-первых, их вклад в науку в ряде случаев пока еще трудно превзойти, а во-вторых, они работали в намного более сложных внешних условиях. Была цензура, зарубежные поездки и контакты можно было приравнять к высоким наградам, столь редки они были. А участие в совместных с зарубежными коллегами раскопках у нас или в других странах исчерпывалось Болгарией, Венгрией и Монголией.

Профессиональная этика. Вместе с усвоением знаний и приобщением к науке студент должен усваивать нормы профессиональной этики. Они не всегда сформулированы явно. Например, есть «Кодекс профессиональной этики музейного работника», зафиксированный в специальном документе ЮНЕСКО, но нет такого кодекса для археолога. Есть полушутливые, но вполне актуальные «Заповеди Клейна». Однако есть и неписанные нормы, и честные профессионалы всегда их соблюдают. Главное здесь — не столько декларирование этих норм, сколько их неукоснительное исполнение. Когда студент видит, что преподносившийся ему «кодекс профессиональной этики» нарушается самим преподавателем (а студенты, как правило, видят намного больше, чем нам кажется), это наносит серьезный ущерб не только данному преподавателю, но и всей науке в целом.

И все же самая главная этическая норма — это высокая требовательность на всех уровнях и одинаковая для всех. Низкое качество курсовой или дипломной работы можно скрыть. Низкий уровень кандидатской или докторской диссертации тоже, но, во-первых, ненадолго, а во-вторых, не от профессионалов. Был, например, известный случай, когда в ЛОИА была отклонена докторская диссертация, автор которой вставил в нее текст кандидатской диссертации своей жены, но выяснилось это не сразу.

Низкий уровень преподавания обязательно влечет за собой низкую требовательность на экзаменах и зачетах. Затем она распространяется на курсовую и дипломную работу, и дальше — на диссертацию. «Остепененный» в таких условиях претендент преподает еще хуже, чем преподавали ему. Круг замыкается, но не на том же, а на более низком уровне. В этой ситуации юридические нормы не действуют по определению, а этические нормы, увы, не действуют потому, что они не сформулированы.

«Всеобщая болонизация» уже с самого начала приводит к абсурдным явлениям. С одной стороны, специальности «археология» в учебных планах исторических факультетов нет, не вполне легальная специализация сокращается до

минимума, совершенно недостаточного для профессиональной подготовки, магистратура мало перспективна в ближайшие 10–15 лет, поскольку будет на 4/5 платной. Но, с другой стороны, существуют ученые степени по специальности 07.00.06 — археология.

В результате в некоторых советах по защитах диссертаций появилась порочная тенденция представления и успешной защиты диссертаций в облегченном режиме, особенно если в совете количественно преобладают историки, а диссертацию представляет «свой человек», она успешно защищается, невзирая на критику со стороны профессионалов-археологов и единичные «черные шары». ВАК не вникает в эти коллизии и почти автоматически штампует решение большинства совета. Одной из таких тем за последние годы стало «петроглифоведение» как якобы особое направление археологии. При весьма поверхностном представлении об археологии соискателей и их руководителей, при полном невежестве в основах археологии как самостоятельной науки этот камуфляж позволяет людям, далеким от науки, получать кандидатский диплом с тем, чтобы он стал «поплавком» при продвижении по карьерной лестнице — неважно, по какой специальности. Настоящей археологией никто из них после защиты и не думает заниматься. Конечно, хорошо, что они не засоряют собой науку. Но, во-первых, некоторые из них искренне считают себя крупными специалистами и начинают учить студентов. Во-вторых, в обществе создается иллюзия, что в стране вырастают кадры археологов высшей квалификации.

Кому нужен Болонский процесс и что он даст археологии? Откуда вообще взялся Болонский процесс? Для тех, кто не знает — краткое пояснение. Под этим названием имеются в виду три этапа соглашений между европейскими странами, подписанных в разное время между 1957 и 1992 гг. В 1992 г. в Маастрихте все эти договоренности были закреплены соглашением о формировании единого образовательного пространства в странах ЕЭС («Всеобщая хартия университетов Европы»). Зачем это понадобилось?

Почти все европейские университеты существуют сотни лет. Они начали складываться еще тогда, когда Европа была похожа на разноцветное лоскутное одеяло, представляя собой конгломерат королевств, герцогств, графств, подобных удельным княжествам средневековой Руси. Университеты были автономны не только формально, но и фактически. Как правило, они возникали на базе монастырей и монастырских школ. Естественно, что у них были разные программы, учебные планы и разные форматы занятий со студентами. Эти различия существовали очень долго и в чем-то закрепились. Средневековые парадные ритуалы до сих пор сохранились в Кембридже, Оксфорде, Сорбонне и в других старых университетах.

Когда Европа стала объединяться в Европейский Союз, встал вопрос о необходимости унификации систем образования. Это была очень аккуратная, неторопливая «притирка» друг к другу, которая длилась 35 лет (!). А с нами европейские господа притираться не хотят, а требуют, чтобы мы в одночасье приняли их систему образования. Одним из условий вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) стало требование присоединиться к Болонскому процессу. Для этого нам нужно свою систему образования намеренно ухудшить (Кругляков 2006: 3–6).

Во вхождении в ВТО был очень заинтересован узкий круг очень богатых людей. ВТО предоставляет своим членам сокращение или отмену таможенных пошлин, в том числе на нефть, газ, металл, лес и другое сырье. Ради увеличения своих доходов наши нефтеполитические олигархи, не вдаваясь в суть, были готовы принять срочную «бакалавризацию и болонизацию» всей страны и тем самым пожертвовать нашей системой образования, а заодно и целыми отраслями нашей науки, промышленности и сельского хозяйства.

Сейчас из уст первых лиц по вопросу о вхождении в ВТО звучат уже не столь категоричные нотки, но разрушение системы образования продолжается. Кстати, для справки: во Франции (страна — член ВТО) степень бакалавра присуждается выпускнику 12-летней средней школы. Может быть, чем рушить нашу систему высшего образования, проще добавить один год в школе и отодвинуть на год возраст призыва на военную службу?

Научная и педагогическая общественность не скрывает своей глубокой озабоченности разрушительными действиями Минобрнауки и бывшего Рособразования. Об этом говорят многочисленные публикации в профессиональной периодике (напр.: Бермус 2005: 102–110; Булавенко 2005: 15–17; Днепров 2004; Давыдов 2006: 70–112; 2006: 3–11; Плаксий 2005: 3–10 и ряд других) и даже монографии (Мельвиль (ред.) 2005 и др.).

Известно, что если хочется что-то без шума разрушить, затевают реорганизацию. За 90-е годы сменилось несколько министров образования. Среди них были крупные профессионалы с большим опытом работы в вузах, но власть они не устраивали. Наконец, нашлось нынешнее руководство Минобрнауки, не обремененное ни опытом, ни специальными знаниями, готовое беспрекословно исполнять приказы, спускаемые по «вертикали» с ссылками на Болонский протокол и прочие «прелести» европейской цивилизации.

Для подготовки молодых археологов-профессионалов присоединение нашей страны к Болонскому протоколу чревато катастрофическими последствиями. Как было сказано выше, сейчас даже в самых престижных наших университетах официально не существует специальности «археология». Но мы много лет преодолевали эту трудность тем, что присматривались к студентам и, начиная с 1-го или, в худшем случае, с 3-го курса, в индивидуальном порядке приобщали их к археологии. С 3-го курса вполне официально начинались дисциплины специализации с реальными археологическими спецкурсами.

Кроме обязательной практики после 1-го курса, которая худо-бедно финансируется университетом, различными ухищрениями, через гранты или сотрудничество с академическими институтами эта практика продолжалась и на старших курсах. В итоге из 12–15 студентов специализации 5–6 нам всегда удавалось либо оставить в аспирантуре, либо устроить на работу по специальности. Некоторые из них сейчас вполне успешно работают не только в Кемерове, но и в вузах или академических институтах Москвы, Новосибирска и Санкт-Петербурга. Некоторые проходили аспирантуру или стажировку во Франции и Болгарии, Двое успешно работают в Италии и в Польше.

По условиям Болонского протокола, которые, кстати, наши чиновники забюрократизировали намного сильнее, чем в европейских странах, первые 4 года никакой специализации не будет, хотя останутся никому не нужные экономика, философия и особенно культурология, от которой примерно столько

же эффекта, сколько от былых обществ трезвости. Стандарты, спускаемые Минобрнауки, намного жестче, чем в странах ЕС. Подобные стандарты ставят крест на творческом подходе со стороны ППС (так чиновники именуют нас, профессоров и преподавателей вузов) и на формировании студента как творческой личности.

Об индивидуальном подходе на всех уровнях образования было сказано в первом Послании президента Д. А. Медведева. Но для чиновников Минобрнауки, начиная с самого министра, по-видимому, существуют свои указующие персты и президент им не указ. На самом же деле в этих стандартах иногда случаются указания, заслуживающие «Шнобелевской премии». Например, по одному из них было предписано читать на историческом факультете в первом семестре курс лекций по теории информации. Для того, кто это придумал, осталось тайной, что теория информации — математическая дисциплина, которая и на матфаках, причем не везде, читается не раньше, чем на 3-м курсе после двухлетнего курса матанализа и семестрового курса основ теории вероятностей.

По новой системе учить археологии студентов-историков можно будет только в магистратуре (т. е. 2 года), в которой предполагается только 10% бюджетных мест, а остальные 90% — платные. Поскольку археология не может стать основой для легального бизнеса (нелегальный процветает без дипломов и открытых листов), то очевидно, что среди абитуриентов спрос на эту специальность в лучшем случае останется в Москве и Санкт-Петербурге.

Если эта система продержится еще 10–15 лет, а наши влиятельные коллеги — академики РАН — не добьются введения вполне официальной специальности «археология» в университетах, археология как наука тихо скончается, а ее место займет «черная археология», которая довольно быстро себя легализует через коррумпированных депутатов. Уже сейчас с самых высоких трибун звучат предложения передавать исторические памятники в частные руки.

Если же потом кто-то сообразит, что усилилось разрушение и расхищение исторического наследия и надо бы вернуть в вузы «белую» археологию, то преподавать ее будет уже некому, и, как и во многих других сферах нашей жизни (например, в футболе, который в глазах властей важнее для страны, чем археология), придется за большие деньги приглашать специалистов из-за рубежа. Но, пока всё это произойдет, не поддающееся исчислению количество памятников будет растащено или уничтожено, а ценные находки будут проданы за границу. Единственное «утешение» — в нашей стране их так много, что что-то все же останется. Но нельзя забывать, что «черная» археология располагает техникой, которая вряд ли будет доступна профессионалам в обозримом будущем.

Подводя итог, можно сказать, что реальность достаточно грустна, однако пока еще не совсем безнадежна. Но если не принять срочных мер и не ввести в тех университетах, в которых давно и успешно работают кафедры археологии, официально специальность «археология», то, когда полностью вступит в свои права политика «всеобщей бакалавризации» страны, может случиться так, что, как говорят летчики, «точка невозврата» уже останется позади. Представляется, что сейчас именно в этом состоит главная проблема археологического образования в сегодняшней России.

